Запах лета.

Замок тихонько щелкнул. Мужчина толкнул дверь, сделал шаг вперед и вставил карточку-ключ в слот слева от себя. Узкий коридор залил яркий свет. Мужчина поморщился и помассировал висок, где вот уже как полтора часа непрерывно постукивали маленькие молоточки, грозящие в самое ближайшее время перерасти в нечто большее, например, в пару кузнечных молотов, выбивающих искры из наковальни. Собственно говоря, голова у него разболелась сразу же после ее звонка… или во время? Хотя какая разница, сути то не меняет. *Надо было по пути забежать в аптеку за аспирином*, подумал он и отошел в сторону, пропуская свою спутницу. После небольшой заминки (перекинулся несколькими фразами с нудящим внутренним голосом) зашел за ней следом. Закрыл дверь и задвинул задвижку, задвинул рефлекторно, только потому что она была. (В суде его действие будет квалифицировано, как один из этапов хорошо продуманного и тщательно спланированного преступного деяния).

Коридор изысками не отличался, зеленые стены, потолок им под стать и неопределенного цвета ковровое покрытие, то ли грязно желтое, как пожухлая трава в засушливое лето, то ли серое, затертое практически до обесцвечивания сотнями, а то и тысячами пар ног клиентов или как нынче модно говорить - гостей гостиницы. Слева была дверь ведущая в ванную комнату, справа купе-шкаф и большое зеркало.

Мужчина стянул с себя куртку и повесил в шкаф (если бы он воспользовался ближней от входа дверцей, а не дальней, то смог бы избежать серьезных проблем в стремительно надвигающемся на него будущем), затем снял обувь и аккуратно поставил к стеночке. Еще одна привычка привитая в детстве доброй матушкой, наряду с запиранием двери на все замки. Поднял голову и встретился со своим отражением. Из зеркала на него смотрел незнакомец. Поношенные джинсы (известный бренд не уберег от вытянутых коленей), вылезшая рубашка, расстегнутая на груди на две пуговицы, растрепанные волосы, словно он не далее как пять минут назад оторвал голову от подушки, темные круги под глазами, загнанный взгляд и… Он поспешил отвернуться и прошел в комнату.

Это был стандартный двухместный номер ничем не отличающийся от своих братьев близнецов, которых полно в каждом городе. Не отличающийся, если не обращать внимание на зеленые стены и потолок, точно такие же как в коридоре. По всему услуги дизайнера руководству гостиницы обошлись очень дешево.

Комната была средних размеров, для вальса, конечно же, маловата, а вот для твиста или буги-вуги в самый раз. Широкая кровать (естественно застеленная зеленым покрывалом), две прикроватные тумбочки, напротив во всю длину стены комод, телевизор, стереосистема, стационарный телефон - вымирающий динозавр двадцать первого века, рядышком примостилась стопочка рекламных буклетов - сауны, массажи, стриптизы и прочие развлечения для посетителей гостиницы, и как венец - панорамное окно, из которого открывался потрясающий вид на город, втиснутое в рамку из тяжелых болотно зеленых портьер, этакая ложечка дегтя в бочонок с медом. Но что его действительно удивило, так это висящая над комодом репродукция картины Сальвадора Дали “Содомовское удовлетворение невинной девы”. Он не относил себя к почитателям сюрреализма, да и вообще живописью, как впрочем и искусством в целом интересовался поскольку постольку. Все его познания сводились к школьной

программе и тому мизеру, что будучи уже взрослым почерпнул из книг, в основном художественных и кинофильмов. Однако как бы там ни было, а картины Дали ему нравились, можно сказать были близки ему по духу. В них было что-то завораживающее и интригующее, что-то тайное, прячущееся от посторонних глаз буквально за каждым элементом сюжета, и что-то определенно сексуальное, рождающее несвойственные прежде желания.

- Пригаси свет, пожалуйста.

Мужчина от неожиданности вздрогнул и как в том не было бы стыдно признаваться, едва не вскрикнул. За своими мыслями он на какое-то мгновение забыл, что в номере находится не один. Порой одиночество тоже входит в привычку, тихо и ненавязчиво проникает в жизнь и начинает разъедать ее, как ржавчина плохо смазанную велосипедную цепь. Мужчина ухмыльнулся, включил нависшие над кроватью торшеры и погасил верхнее освещение. Комната погрузилась в полумрак и сделалась более приветливой и дружелюбной, как будто стала уютнее и даже окружающая зелень уже не так давила и не вызывала жгучего желания заглянуть в глаза дизайнеру, крепко пожать ему руку и выразить лично восхищение столь неординарным решением и своеобразным подходом при оформлении номера.

Мужчина снова посмотрел на репродукцию Дали, задержал взгляд на фигурах, в которых основоположник психоанализа без сомнения узрел бы прямой намек на мужское начало и повернулся к своей спутнице. Девушка стояла к нему спиной перед окном. Она смотрела на огни ночного города. Города, который, казалось, никогда не засыпает. Черное обтягивающее платье спускалось чуть ниже колен, серебрянный поясок лениво лежал на округлых бедрах, открытые плечи и смелый вырез обнажал ложбинку между маленьких упругих грудей. Небрежно сброшенное на пол пальто лежало у ее ног, словно уставший щенок, весь день напролет резвившейся с детворой.

Мужчина сглотнул тугую слюну. В нем снова с новой силой вспыхнуло позабытое чувство, которое как он наивно полагал осталось далеко позади, впрочем как и сам объект провоцирующий это самое чувство. Он подошел и остановился в шаге от девушки. Она не обернулась. Ковровое покрытие заглушало шаги. Мужчина поднял руку, хотел дотронуться до ее плеча, ощутить тепло и мягкость кожи, слегка касаясь погладить шею, подняться выше и зарыться пальцами в рассыпанные по плечам золотистые волосы, затем сделать шаг навстречу, преодолеть расстояние в четыре долгих и до безумия нудных года, положить вторую руку ей на живот и притянуть к себе, закрыть глаза и втянуть аромат ее духов - запах свежескошенной травы, полевых цветов и карамели… Запах лета. Но вместо этого, когда от ее плеча его отделяли считанные миллиметры, он резко отдернул руку. Поднял взгляд и в оконном отражении увидел ее лицо. Девушка смотрела прямо на него. Левый уголок рта чуть приподнят. *Она заметила,* подумал он*, конечно, заметила, просто невозможно было не заметить.* И дело даже не в том, что его поймали, как говориться - с поличным, а в том, что он снова продемонстрировал ей свою нерешительность. Ему даже на одно короткое мгновение показалось, что она сейчас ухмыльнется, цокнет языком и скажет в своей снисходительно-насмешливой манере - “А ты все такой же предсказуемый”. Сколько раз он слышал от нее это пресловутое “ты предсказуемый”, десятки, сотни? А сколько раз пытался доказать ей обратное? Доказать, что она ошибается и каждый его поступок имеет своей целью уберечь ее от скверны и грязи современного мира, сделать ее жизнь спокойной и комфортной. Однако, увы. Все его потуги были напрасны. “Ты предсказуемый” - в очередной раз слетало с ее губ и как мотылька манит огарок свечи, так и ее снова затягивали неоновые вывески с кричащими

названиями, громкая музыка и удушливый влажный воздух. А он? А он, как побитый пес всегда следовал за ней. И что самое противное, ему все это нравилось, до умопомрачения нравилось, нравилось все, кроме своей предсказуемости.

Что я здесь делаю? - задал себе вопрос мужчина. И сам же на него ответил. *Просто она позвонила, попросила о встречи, а я… а я не смог ей отказать. Проклятье.* Он встряхнул головой, дабы прогнать ненавистные мысли. Меньше всего ему сейчас хотелось предаваться самобичеванию, будь иначе он давно заказал бы себе обереги и носил не снимая. Он поднял с пола ее пальто, прошел в коридор, повесил в шкаф (снова воспользовавшись той же дальней от входа дверцей) и избегая собственного отражения в зеркале вернулся в комнату.

Повисшая в номере тишина напрягала. Тишина всегда действовала на него угнетающе, можно сказать удручающе разрушительно. И, к сожалению, сегодняшний вечер не стал исключение. Вот тот характерный пример постоянства или так называемой предсказуемости, который совсем не радует. Он подошел к комоду, открыл крайнюю левую дверцу и возблагодарил Творца за такие приятные мелочи как мини бар.

Ассортимент радовал глаз. Несмотря на то, что все бутылочки были маленькие, в холодильнике хватало алкоголя, чтобы как следует набраться и забыться, хотя бы на время заглушить гнусавый внутренний голос, надсадно жужжащий промеж висков, аккурат между молоточков без устали отбивающих некий дикий первобытный мотив.

- Не хочешь что-нибудь выпить? - спросил он и скривился от звука собственного голоса, настолько он прозвучал натянуто и нервозно. Мужчина кашлянул в кулак, прочистил горло и уже более твердо добавил - На удивление здесь вполне приличный выбор, - он старался вести себя свободно и непринужденно, но чувствовал, получается у него не важно. - Как насчет шампанского, Martini Asti?

Снова повисла тишина, обволакивающая и осязаемая тишина. Мужчина было подумал, что девушка не ответит, и ему придется повторить свой вопрос, как прозвучал ее голос, в отличии от его шершаво-дребезжащего, спокойный и ровный, как у того удава, что после сытного обеда свернувшись греется на солнышке.

- Может чего-нибудь покрепче? - она по-прежнему стояла к нему спиной, устремив свой взгляд с шестнадцатого этажа на сонно бурлящий город. - Возможно для шампанского еще слишком рано.

Как же он ненавидел, когда она говорила загадками. Просто терпеть не мог. В иное время он непременно высказался бы и не стесняясь в выражениях объяснил бы ей, что думает по поводу всех этих ее полунамеков, обрывочных фраз и игр - догадайся сам и закончи мысль. Но вместо этого мужчина принялся перечислять алкоголь, находящийся в холодильнике.

- Водка, джин, бренди, ром, текила, вино, шампанское, ничего себе - портвейн, граппа и виски. Полагаю текила отпадает, так как ни лимона, ни соли нет.

- Раньше нас это никогда не останавливало.

- В каком смысле?

- Мы никогда не выбирали легких путей и всегда сворачивали налево… Помнишь, однажды мы выпили бутылку текилы имея один полузасохший лайм, а потом…

- Это было слишком давно.

- Разве что-то изменилось с тех пор?

В ее голосе слышалась усмешка и он готов был отдать руку на отсечение, девушка улыбается.

- Многое, очень многое изменилось. И если ты не возражаешь, давай не будем ворошить прошлое?

- Как скажешь, - быстро согласилась девушка. - Налей мне тогда ром, если есть темный.

После недолгих поисков, рядом с холодильником, в одной из секций комода мужчина обнаружил стаканы из толстого стекла. В один он вылил содержимое из бутылочки с солнечным названием “Caribbean”, себе же смешал в равных долях джин с тоником и еще раз посетовал на отсутствие лимона. После пересек комнату и подал стакан спутнице. Ром недолго омывал стенки из рифленого стекла. Девушка одним глотком осушила стакан и попросила повторить. Он выполнил просьбу. Что-то ему подсказывало, что этим дело не ограничится. Как позже оказалось он был прав. К полуночи мини бар оскудел настолько, что он уже не только не радовал глаз, но и наводил грусть, потому как несмотря на выпитое мысли никуда не делись.

Последовав примеру спутницы, мужчина выпил свой коктейль и смешал себе новый, три к одному, где естественно одну часть составлял тоник. После чего пригубил, крякнул от удовольствия и дабы избежать неловкости и чувства неудобства вызванные тишиной, включил стереосистему. Дисплей вспыхнул, поприветствовал и ярко оранжевые буквы оповестили, что система настроена на волну Retro FM. Из динамиков полились гитарные аккорды Billy Idol-а и его нестареющий хит “Sweet sixteen”.

I'll do anything
For my sweet sixteen,
And I'll do anything
For little runaway child
Gave my heart an engagement ring.
She took ev'rything.
Ev'rything I gave her,
Oh sweet sixteen.

(Я сделаю что угодно
Ради моей шестнадцатилетней милашки
Я сделаю что угодно
Ради маленькой беглянки.
Подарил своей возлюбленной кольцо на помолвку
Она взяла все,
Все, что я давал ей
О шестнадцатилетняя милашка)

Сделав порядочный глоток, мужчина начал перебирать все ему известные значения слова “sweet”. Сладкий, душистый, приятный, неиспорченный, свежий, очаровательный, милый, ласковый… Вроде было что-то еще, но он уже не помнил. Память вздорная сучка с годами стала только стервознее, никогда не откажет себе в удовольствии при случае блеснуть своим скудным характером и ощетиниться гнилыми зубами. На ум больше ничего не приходило. Школа, а за ней бизнес английский в университете остались настолько позади, что он иногда сам начинал сомневаться, особенно в те моменты, когда жизнь демонстрировала не самую приглядную часть своего тела, а были ли вообще эти школьные годы и пять курсов в университете? И

только взгляд на аттестат и диплом об окончании, заброшенные в самый дальний угол ящика письменного стола помогал справиться с сомнениями и расставить все по своим местам.

Он снова вернулся к Billy Idol-у. Прислушался к тексту.

Well, memories will burn you.
Memories grow older as people can
They just get colder
Like sweet sixteen
Oh, I see it's clear
Baby, that you are
All through here

(А воспоминания обожгут тебя
Воспоминания стареют вместе с людьми
Они становятся холоднее,
Как шестнадцатилетняя милашка
О я вижу ясно,
Какая ты
До конца)

Мужчина покрутил стакан в руке, сделал глоток, подержал коктейль во рту и, когда начало пощипывать язык, проглотил. Свои шестнадцать он охарактеризовал бы как приятные. Ласковые, сладкие, свежие и все остальное по его сугубо личному мнению совершенно не подходило, впрочем как и неиспорченные. Он вспомнил свою молодость пришедшую на период развала страны, когда одна - по завершению многих слишком уж затянувшаяся эпоха, сменилась другой - туманной и неопределенной, когда, потушив свет засыпая, никто не знал каким будет завтра. Но в то же время именно эта самая неопределенность дарила людям надежду и позволяла грезить о светлом будущем. Как-то сразу и резко была провозглашена свобода, свобода слова, свобода вероисповедания, свобода товарно-рыночных отношений, где еще вчерашние спекулянты начали себя гордо величать бизнесменами, хотя на деле остались теми же барыгами, разве что обрядились в дорогие костюмы и пересели в автомобили баварского машиностроительного завода. Из темных закутков и пыльных подвалов повылазили на свет божий бледные дрожащие поганки, всякого рода проповедники, глашатаи, кликуши и прочая нечисть, расправив крылья и пригладив хохолки они начали на высоком слоге хаить и хулить прежнюю власть, и воспевать то, что до недавнего времени было под строгим запретом. В общем стало много свободы, возможно даже слишком много. Но больше всего людям пришлись по душе свободные отношения, отношения без каких бы то ни было обязательств и последствий. Если в стране со звездно-полосатым флагом в семидесятых годах получило широкое распространение движение лохматой молодежи с птичьей лапой заключенной в круг на грязных засаленных футболках, экспериментирующей со всем что обещает расширение сознания и яркость восприятия окружающего, пропагандирующей мир во всем мире и свободную любовь, то в девяностых любовь из свободной как-то незаметно и плавно перетекла в беспорядочную. И дело даже не в многочисленных видео прокатах, открывших свои двери всякому желающему чуть ли не на каждом углу и не в хлынувших нескончаемым потоком фильмов для взрослых, кстати,

производства той же самой страны что и автомобили, только немного иной индустрии, а во вседозволенности и самое главное - вседозволенность более не порицалась и не наказывалась. Ну чем не рай?

Someone's built a candy castle
For my sweet sixteen,
Someone's built a candy house
To house her in.
Someone's built a candy castle
For my sweet sixteen.
Someone's built a candy brain
And filled it in.

(Кто-то построил замок из сладостей
Для моей шестнадцатилетней очаровашки
Кто-то построил замок из сладостей,
Чтобы заманить ее внутрь.
Кто-то построил замок из сладостей
Для моей шестнадцатилетней очаровашки
Кто-то запудрил
Ей мозги.)

Его молодость протекала бурно, местами даже слишком. Иногда по воле случая или по прихоти проведения, а может с легкой руки высших сил, наступали моменты просветления и он осознавал, что подступил слишком близко к краю, буквально балансирует на грани и достаточно всего лишь одного неосторожного шага, чтобы скатиться кубарем в самые низы, туда - где не летают, а только ползают. Именно благодаря вот таким поворотным моментам он смог сохранить хрупкое равновесие, смог удержаться и не последовать за своими закадычными дружками коих поглотила вседозволенность и смог перешагнуть противоречивый возраст безответственности и разгула.

К чему лукавить, он никогда не был примерным ребенком и его поведение оставляло желать лучшего. Однако несмотря на все свои шалости, учился он хорошо, не хотел огорчать матушку, которая после смерти отца, словно курица наседка обхаживала его со всех сторон, вкладывала в него всю душу.

В свои “приятные шестнадцать” он испробовал и испытал на себе все, что предлагала улица, а улица в те свободные времена предлагала абсолютно все. Каждый изгалялся как мог, границ не существовало, как впрочем морали и нравственных норм. Имела значение лишь толщина кошелька и сколько ты готов платить за удовольствия… Но что не говори, то было хорошее время и по своему беззаботное, хотя и тогда проблем хватало с лихвой. Это сейчас с высоты прожитых лет они кажутся смешными и несерьезными, а в шестнадцать они таковыми не были.

Billy Idol закончил петь и его сменил скучный блок рекламы. *Для одного дня что-то слишком много воспоминаний.* Мужчина вздохнул и посмотрел на часы. Двадцать минут девятого.

Он поставил стакан на комод и прошел в ванную комнату. Белый кафель, джакузи, унитаз, раковина, шкафчик с зеркалом над ней, халаты и полотенца. И никакой тебе зелени. Хвала Творцу за очередную маленькую радость. Мужчина подошел к раковине,